

ГЛАВА 1

Алтай

15–16 октября

Когда тётушку Хумар обнаружили мёртвой во дворе собственного дома, за убийство был арестован её сын, но среди обитателей Кубинки немедленно разлетелся слух, будто бы Хумар на самом деле задушила виноградная лоза, оплетавшая тело старухи так крепко, что тем, кому приспичило высвободить его, пришлось поработать секатором. Тётушка Хумар была чопчи. Жила она в небольшом, но добротном двухэтажном особняке, который построила после ранней кончины мужа на деньги, заработанные целительством, да и сбережений имела немало — то золота для потенциальной невестки прикупит, то в шкатулку пачку долларов припрячет. Словом, у взрослого сына-бездельника были куда более веские мотивы для расправы с матерью, чем у виноградаря (посаженного ещё покойным мужем Хумар во дворе их старой хибарки, на месте которой возвели новый дом). И всё же...

— Я там как раз проходил, за хлебом шёл, — кудрявый таксист Юсиф делился с друзьями в чайхане небывалыми впечатлениями. — Смотрю — ворота к ней во двор открыты, народ стоит, этот хыйяр¹

¹ Дословно — огурец (оскорбительное слово).

бегает туда-сюда, орёт. Я так сначала подумал, у него ломка опять, снова мать избивает. Ну и зашёл. Хумар-хала там на земле лежала, а я даже не заметил сначала, потому что, я вам говорю, вся она была в винограднике, только голова торчала наружу. И лицо, знаете, такого цвета, как этот... как его... его мастера наши тут используют всё время...

— Купорос? — подсказал Алтай.

— Ага, порос... — задумчиво повторил Юсиф. — В общем, как будто задушил её этот виноградник.

— Месть ряхмятли¹ мужа, не иначе, — заключил Алтай с иронией. — Я слышал, он её всегда недолюбливал. Но тот факт, что сынок — наркоман безработный, не облегчит дело его адвокату.

Остальные закивали, задумчиво разглядывая светлые костяшки домино, выложенные перед ними на столе. Алтай подумал, что костяшки похожи на маленькие белые шоколадки. В чайхане, к сожалению, к чаю подавали только сахар и твёрдую карамель, способную выкорчевать пломбы, поставленные даже самым добросовестным стоматологом. Воспоминания о временах, когда он ещё готов был с радостью жевать эти противные конфеты, когда не было реставраций в игрушечных молочных зубах, потянули за собой другие, такие древние, что Алтай не мог понять, настоящие они, или это ему приснилось, или он сам придумал, что это ему приснилось, а оно и не снилось вовсе — сны свои он помнил плохо, с тех самых пор, как сходил в армию — и вот он уже сидит и, перестав следить за партией, вспоминает, как однажды в детстве бабушка отвела его к Хумар.

Итак, тётушка Хумар была известная на всю Кубинку — да что там, на весь Баку! — чопчи. Это значит, она зарабатывала на жизнь тем, что выдувала

¹ Покойного.

из хворых детей, приведённых к ней отчаявшимися родственниками, комки застрявшего в носоглотках сора — процедура с точки зрения отоларингологии вполне эффективная, но отнюдь не гигиеничная; а также «закрывала место чопа», что с точки зрения отоларингологии и здравого смысла — шарлатанство и выманивание денег у простаков. Пыл, с которым Хумар отдавалась делу, позволял ей извлечь из детских ртов иногда даже то, чего они туда вовсе и не клали, но всегда — что-нибудь сообразно сезону: ранней осенью — ошмётки яблок, поздней — комки гранатовых семян, а иногда даже тщательно пережёванные куриные кости. Клиентов на её сомнительные услуги находилось немало. Видимо, потому, что многим легче притащить ребёнка к целителю, чем следить, чтобы он не тянул в рот всякую гадость.

Однажды, когда четырёхлетнего Алтая необъяснимым образом настигли высокая температура и понос (а всех остальных в семье — не настигли), бабушка, распознав симптомы, отвела ребёнка к Хумар. Так и сказала, крепко взяв угрюмого Алтая за руку: «Сейчас пойдём к Хумар». Что такое «Хумар», мальчик не знал, однако слово его напугало. По дороге он дрожал и представлял себе разные ужасы, но Хумар оказалась всего лишь неопрятного вида женщиной с могучими волосатыми руками, торчавшими из цветастого сарафана так голо и вызывающе, словно говорили: «Вот, глядите, мы ничего не прячем в рукавах, и всё, что вылетит из вашего рта — настоящее». Этими самыми руками она принялась нещадно массировать горло Алтая, и это уже вывело его из терпения к тому моменту, когда она наклонилась, чтобы хорошенько дунуть ему в нос. Дело осложнилось запахом, а пахло от Хумар как от замоченной на ночь в раковине кастрюли из-под супа, и Алтай, до того дня считавшийся лёгким, спокойным ребён-

ком, вдруг со всего размаха пнул её ножкой в мясистую коленную чашечку и сбежал. Потом, у настоящего врача, выяснилось — в горле у него ничего не застряло, на самом деле он подхватил какую-то инфекцию, потому что бабушка кормила его немывтым тутом с дерева...

Тема разговора не исчерпала себя и к полуночи, что неудивительно: поножовщина и странные происшествия с наркоманами на Кубинке — дело обычное, но вот растения-убийцы могли вдохнуть новую жизнь в криминальные хроники этой старой части города. Когда большинству участников собрания начали звонить возмущённые жёны, обсуждение пришлось прервать, и все поспешили по домам. Подняв воротник куртки и низко опустив голову (иначе холодный ветер дул в лицо, и можно было упасть в темноте в какую-нибудь яму), Алтай шёл домой и лицемерно радовался, что не женат и некому названивать ему на встречи с друзьями. Он жил в самом конце извилистого тупика, зажатого между осыпающимися до обнажённого камня одноэтажными домишками. При взгляде на эти строения посторонний наблюдатель мог бы вообразить, что в них живут очень бедные люди, но ошибся бы в большинстве случаев. Жители Кубинки были, скорее, упрямыми.

8

На подходе к дому Алтая встретило одно из прямых свидетельств этого упрямства: соседское мусорное ведро, перевёрнутое кошками, и содержимое ведра, разбросанное чуть ли не по всему переулку. Соседи и представители кубинской популяции кошачьих вели долгую бескровную войну, в которой главным оружием была непреклонная воля. Каждый день люди выставляли ведро, и каждую ночь кошки его опрокидывали. Никто и не думал найти для ведра другое место или хотя бы купить новое — с крышкой. Так и жили.

Ключ поворачивался туго, Алтай подумал, что пора бы сменить замок, да ещё и дверь покрасить — каждый, кто приходил к нему, считал своим долгом отколупать немного краски, из-за чего на железной двери образовалось ржавое пятно в виде птицы с пышным хохолком и раскинутыми крыльями, которую Алтай подсознательно определил для себя как феникса.

Дом встретил привычной сыростью, запахом прогнивших досок пола, а в холодильнике мертвецом в морге застыл позавчерашний обед. От голода у Алтая кружилась голова, но он всё равно долго стоял во дворе, страдал от грязного ветра и курил. Над ним угрожающе раскачивалась и роняла перекрученные высохшие листья старая шелковица. Виноградник-душител, ну надо же... Жаль, он этого не видел.

Обезвреженный на неприкосновенное время, отведённое встрече с друзьями, телефон, оказавшись дома, самостоятельно присосался к сети Wi-Fi и начал исторгать из себя оповещения. Всем Алтай был нужен, всем, кто не был нужен ему. Пятнадцать сообщений от Анастасии, или «Нюсики», как она любовно саму себя называла. Первые шесть заканчивались многоточиями, с каждым разом точек всё прибывало и прибывало, а последнее охранялось частотоками из восклицательных знаков и злыми собаками — её коронное *«Тебе совсем на Нюсики плевать?!!!!@#@»*. *«Спокойной ночи, милая»*, — написал Алтай, надеясь, что этого будет достаточно. В ответ Нюсики послала ему пикантное селфи в ночной сорочке на фоне рваных грязноватых обоев.

«Завтра будет очередной тяжёлый день, нужно лечь пораньше», — сказал себе Алтай, но ещё пару часов смотрел смешные ролики на YouTube, пока не заболели нестерпимо глаза. Только тогда он заполз под одеяло, укрывшись почти с головой, и ус-

нул, убаюканный звуками крысиной возни под полом. В шесть утра, как и следовало ожидать, он проснулся совершенно разбитым, заткнул будильник и вывалился из кровати на пол в узкой комнате, похожей на могилу.

Всё шло не так. Стоял до странного холодный и дождливый октябрь, ветер посбивал с деревьев высохшие летом на жаре листья, превратив маленький двор его дома в одну большую постель для бродячих котов — Алтаю недосуг было разгрести всю эту растительную ветошь, и она толстым слоем устилала плитку пола, как в лесу, — да ещё этот непомерно амбициозный, масштабный проект... Детище, о котором он так мечтал, но которое оказалось крикливее, грязнее и прожорливее, чем ожидалось, и из-за которого Алтаю придётся теперь ездить по всей стране, терпя выходы четырнадцати неуравновешенных субъектов, каждый из которых уже возмнил себя звездой, и тупость своих собственных работников. А за день до съёмок первого эпизода во сне ему явилась покойная мать и предостерегла, но от чего именно — он, как обычно, не запомнил.

10

В семь ему предстояло выехать в Атешгах, где проходил второй день съёмок придуманной и продюсируемой Алтаем передачи под бесхитростным названием «В поисках сокровищ». Первый выпуск отсняли во Дворце Ширваншахов, чтобы зрители могли познакомиться с героями, отобранными для участия в игре. Отбирал их лично Алтай; ох, сколько же фриков пришлось на кастинг, многие мечтали получить сто тысяч манатов, но ещё сильнее им хотелось засветиться на телевидении. Идея реалити-шоу была не бог весть как свежа, но для отечественного телевидения передача получилась достаточно внушительной, к тому же она поддерживала идею развития внутреннего туризма. Две команды отправились

в увлекательный квест по стране, кое-как разгадав зашифрованные подсказки, которые сам Алтай считал унижительно примитивными. Иногда Алтаю казалось, что, пробивая этот проект, он постарел лет на десять — примерно столько времени пришлось провести в МЧС, Министерствах культуры, экологии и прочих, не говоря уже о переговорах со спонсорами. Самый главный из них пожаловал Алтаю семизначную сумму, первую часть которой должны были перевести на его рабочий счёт со дня на день.

Торопливо наглотавшись холодного чая, покрытого мутной плёнкой, словно болото ряской, Алтай обыскал сам себя, проверяя, не забыл ли чего важного, пятью взмахами щётки пригладил ненавистные, слишком непокорные волосы и выбежал навстречу злему миру, полному утомительной творческой работы.

Когда он сел в машину и уже собирался повернуть ключ зажигания, ему позвонила Нюсики.

— Доброе утро, малыш, — угрожающе произнесла она.

— Привет, — ответил Алтай, совершая попытки пристегнуться.

— Ты приедешь за своей Нюсики, да?

«О, чёрт, совсем забыл, ещё же надо за ней заехать», — ужаснулся Алтай и ответил:

— Да, конечно. Только мне надо сначала Меджида забрать.

— Не поняла?! Он что, не со съёмочной командой едет?! Чё он вдруг с тобой намылился? — Когда это не требовалось, Нюсики могла проявлять некоторую сообразительность.

— Ну, я его друг, а кое-кто из операторов его раздражает. Всё, буду у тебя через двадцать минут. — Прежде, чем Нюсики успела додуматься до ещё каких-нибудь каверзных вопросов, Алтай прервал звонок и тут же набрал номер Меджида. Пришлось до

упора звонить дважды — его друг и по совместительству режиссёр передачи накануне пил и, возможно, забыл проснуться.

— Доброе утро, малыш, — передразнивая Нюсики, поприветствовал Алтай кряхтящего друга. — Ты мне очень нужен сейчас.

— Сейчас я сам себе не нужен, — возразил Меджид.

— Давай одевайся быстро. Я за тобой заеду.

— Я же с ребятами еду.

— Со мной увязалась *эта*. И мы останемся наедине на целый час. Ты представляешь, в каком состоянии я туда доеду? Если доеду вообще, а могу и разбиться по дороге.

Меджид был очень хорошим другом, к тому же сильно недолюбливал Нюсики, поэтому начал собираться быстро, как на войну.

Таким образом, Анастасии пришлось довольствоваться местом позади режиссёра, откуда она через салонное зеркало попыталась сыграть со своим возлюбленным в волнующую игру взглядов, но Алтай подвинул своё сиденье так, чтобы в поле её зрения попадал только его иссечённый тонкими морщинами лоб.

12

Подъезжая к храму, Алтай немного заблудился, свернул не в ту сторону и очутился на дороге, по одну сторону которой возвышались белые цистерны, словно принадлежавшие другому миру, где люди были по пять метров ростом. Нюсики тут же начала выговаривать ему за рассеянность, но именно в этот момент Меджид вспомнил забавный случай, произошедший с ним вчера, и заглушил бурчание с заднего сиденья.

Съёмочная команда, за исключением операторов и координаторов, сопровождавших участников шоу, собралась во дворе. Завидев приближающегося Алтая, все до единого повернули головы, напомнив

ему стаю мелких животных, высматривающих хищника. Неподальёку от них с самым суровым и внушительным видом переминались с ног на ноги полицейские, пришедшие, видимо, проследить за тем, чтобы исторический памятник не пострадал во время съёмок. Или на случай, если игроки решат поубивать друг друга.

Меджид уже успел отжать у кого-то стаканчик кофе и опорожнял его в сторонке с видом человека, намеревающегося насладиться жизнью несмотря ни на что. Цокая неуместными в этом диком месте каблучками, к Алтаю подбежала Тарана, одна из ведущих шоу (да, ведущих было двое: мужчина — чтобы их не заподозрили в эксплуатации женской сексуальности, и грудастая брюнеточка Тарана — чтобы эксплуатировать эту самую женскую сексуальность).

— Алта-а-ай? Джаным, мы тебя тут все ждём, а я — особенно! — последние три слова она томно выдохнула, да так и осталась с приоткрытым распухшим ртом, напоминавшим Алтаю зад самки павиана в брачный период.

— Ты уверена, что сможешь скакать в этом по скале?

— Ты это про что?

— Обувь свою поменяй, — пояснил Алтай. — Здесь не Торговая, на копытах могут ходить только коровы и бараны.

Нюсики заулыбалась, ехидно щурясь на Тарану, но ведущая не заметила сигналов, ведь ей даже в голову не приходило, что между таким мужчиной, как Алтай, и его помощницей может что-то быть. Как не приходило ей в голову и то, что Алтай с ней сейчас не шутил, а был, напротив, раздражён. Если бы она знала его получше, то поняла бы это, когда он применил единственный известный ему метод отгородиться от неприятного собеседника — закурил, и си-

гарета воздвигла плотную ядовитую стену между ним и Тараной, которая пыталась сказать что-то в своё оправдание. Дым поглотил её слова, которыми она в очередной раз стремилась дать понять, что не против завести с ним роман.

— Мы снимаем передачу о путешествиях и выживании. Деревенский гламур, Тарана, оставь, пожалуйста, для *других* программ, — сказал Алтай, пропустив мимо ушей все намёки ведущей.

— Что эта сучка себе позволяет?! — зашипела Нюсики, едва разобиженная Тарана отошла. — Прямо при мне!

— А что — ты? — Искушение задать этот вопрос было слишком велико, хотя последствия были Алтаю известны.

Покрывшись малиновыми пятнами, Нюсики гордо уединилась в углу двора и начала делать селфи, призванные во что бы то ни стало доказать Алтаю, что она — Богиня.

14 Алтай обошёл по периметру храмовый комплекс, заглянул в каждую тёмную комнату, удостоверился, что помощники правильно подготовили всё для квеста, а актёры имеют должный вид и находятся на своих местах, и позвонил ассистенту, сопровождавшему игроков. Тот сообщил, что в Амираджанах на одну из команд напала стая диких собак, и, хотя это не было предусмотрено сюжетом, но, несомненно, добавило драйва готовящемуся выпуску (а бездомным зверюшкам — нежелательной славы).

— Никто из собак не пострадал, надеюсь? — спросил Алтай.

— Вроде нет, они просто отогнали их... Хотя Фархад этот е...нутый нашёл там какую-то железяку, хотел их... остальные его тормознули.

— Вот сука. Хорошо бы его пораньше выперли. Ладно, у нас всё готово, пусть не копошатся там.

Заскучав, Алтай достал ещё одну сигарету. Затем похлопал себя по карманам и обнаружил, что его зажигалка пропала. Недолго думая, он решил прикурить от священного огня, который нервно дёргался в центре каменного постамента. Папка со сценарием всегда была у него с собой, Алтай вытянул из неё лист бумаги, свернул тугой трубочкой и, улучив момент, сунул в огонь, но внезапный порыв ветра заставил языки пламени резко сменить направление, и Алтай, вскрикнув, отдернул обожжённую руку. Все вытаращились на него, а Нюсики с озабоченным видом поспешила, широко расставляя ноги, в его сторону.

— О-о, блин, любимый, милый мой, как ты так? — запричитала она, скрюченными пухлыми пальцами царапая пустое пространство там, где мгновение назад была его рука. — Дай посмотреть! Надо спиртом помазать!

— А ты всегда с собой спирт носишь, да? — сквозь стиснутые зубы спросил Алтай, подняв руку на высоту, недостижимую для неё. — Я почему-то не удивлён.

— Дай посмотреть! Ты что, идиот?! Ты обязан дать Нюсики поухаживать за тобой! Я же твоя девушка!

— Мы неделю назад расстались, — напомнил ей Алтай.

— Это твой очередной закидон, — с умилением возразила Нюсики, словно речь шла о ребёнке, склонном устраивать дурацкие розыгрыши, к которым все уже привыкли. — Я же знаю, ты не имел это в виду. Нюсики навсегда в твоём сердце. Мы будем *работать* над нашими отношениями, вместе мы всё преодолеем!

На счастье Алтая в эту секунду ему доложили, что одна из команд прибыла на место, все засуетились, и это дало возможность, напустив на себя деловой вид, убежать прочь.

